

Посвящается Кэрол

КНИГА I
МАЙКЛ КОРЛЕОНЕ
1950

ГЛАВА 1

Майкл Корлеоне стоял на длинном дощатом причале в Палермо и смотрел, как величественный океанский лайнер отплывает в Америку. Он должен был плыть на этом же судне, но от отца поступили новые указания.

Майкл помахал рукой парням на маленькой рыбацкой лодке, которые доставили его на причал, парням, охранявшим его последние годы. Лодочка плыла по пенному следу от океанского лайнера — храбрый утенок, догоняющий мать. Парни помахали в ответ; больше он никогда их не увидит.

На причале сутились рабочие в кепках и мешковатых робах: они разгружали другие суда и заполняли грузовики, подъезжавшие к причалу. То были коренастые жилистые мужчины, больше похожие на арабов, чем на итальянцев; козырьки кепок закрывали их лица. Среди них наверняка есть и новые охранники, задача которых — следить, чтобы с ним ничего не случилось до встречи с донном Кроче Мало, *капо ди капи*¹ из «Друзей друзей», как их называли тут, на Сицилии. В газетах и вообще в мире их называли мафией, но на Сицилии слово «мафия» местные не использовали никогда. Точно так же они никогда не

¹ Capo di Capi — босс боссов (*ит.*).

называли дона Кроче Мало *капо ди капи* — только Добрая Душа.

За два года ссылки на Сицилию Майкл услышал немало легенд про дона Кроче, в том числе настолько фантастических, что в существование такого человека верилось с трудом. Однако распоряжения, поступившие от отца, не оставляли места сомнениям: в этот самый день у него состоится обед с доном Кроче. Им двоим предстоит организовать побег с Сицилии величайшего бандита в стране, Сальваторе Гильяно. Майкл Корлеоне не покинет Сицилию без Гильяно.

За краем причала, в каких-то пятидесяти метрах, на узкой улочке ожидал гигантский темный автомобиль. Рядом с ним стояли трое мужчин — темные прямоугольники, вырисовывающиеся на сияющем полотне света, падавшем, словно золотая стена, от самого солнца. Майкл зашагал к ним. Приостановился на мгновение, чтобы прикурить сигарету и осмотреться.

Палермо лежал на дне чаши, образованной потухшим вулканом, окруженный с трех сторон горами, а с четвертой убегающий в ослепительную голубизну Средиземного моря. Город сверкал в золотистых лучах полуденного сицилийского солнца. По земле бежали красные прожилки — словно кровь, впитавшаяся в почву Сицилии за много веков. Золотые лучи заливали горделивые мраморные колонны греческих храмов, острые шпили мусульманских минаретов, узорчатые фасады испанских соборов, а поодаль, в предгорье, мрачно высились стены древнего норманнского замка — наследие, оставленное бесчисленными и жестокими завоевателями, правившими Сицилией со времен до рождения Христа. Выше замковых стен конусы гор сжимали изнеженный Палермо в своих убийственных объятиях: будто две душительницы, изящно опускаясь на

колени, затягивали веревку у города на шее. И надо всем этим вспарывали сияющую небесную синь бесчисленные рыжие ястребки.

Майкл пошел к трем мужчинам, дожидавшимся его в конце причала. Из черных прямоугольников постепенно проявлялись их тела и лица. С каждым шагом он видел их все четче; они чуть расступились, отодвинулись друг от друга, словно готовясь принять его в свои объятия.

Все трое хорошо знали историю Майкла. Младший сын великого дона Корлеоне из Америки, Крестного отца, власть которого простирается до самой Сицилии. Знали, что он убил полицейского в Нью-Йорке, когда казнил там врага империи Корлеоне. И прятался тут, на Сицилии, из-за этих убийств. Теперь же наконец вопрос был улажен, и Майклу предстояло вернуться на родину, чтобы занять законное место кронпринца в семье Корлеоне. Они рассматривали Майкла: как он идет, стремительно и непринужденно, его настороженность, запавшие черты лица — свидетельство пережитых испытаний и опасностей. Очевидно, этот парень заслуживает уважения.

Майкл сошел с пристани, и первым его приветствовал толстомясый священник в рясе и засаленной шляпе. Его белый церковный воротничок был припорошен красной сицилийской пылью, а выше румянилось вполне земное, плотское лицо.

Святой отец Беньямино Мало был братом великого дона Кроче. С виду робкий и богобоязненный, он был всей душой предан знаменитому родственнику и несколько не стеснялся своей близости с дьяволом. Злые языки судачили даже, что он разглашает дону Кроче секреты, услышанные на исповеди.

Пожимая Майклу руку, отец Беньямино нервно улыбался; ответную дружелюбную улыбку он воспринял

с удивлением и облегчением — не похоже, что перед ним убийца.

Второй мужчина держался не столь сердечно, хоть и достаточно вежливо. Это был инспектор Фредерико Веларди, глава сицилийской полиции. Единственный из троицы, он не улыбался. Худой, одетый чересчур изысканно для государственного служащего, офицер метал молнии холодными голубыми глазами, унаследованными от какого-то далекого норманнского предка. Инспектор Веларди не собирался восхищаться американцем, убившим высокопоставленного полицейского чина. Пусть только попробует выкинуть что-то в этом роде на Сицилии! Его рукопожатие напоминало скрепление шпаг.

Третий был выше и мощнее их всех и на фоне двух остальных казался настоящей громадиной. Он завладел рукой Майкла, а потом потянул его на себя, заключив в медвежьих объятиях.

— Кузен Майкл, — сказал этот человек. — Добро пожаловать в Палермо.

Он отстранился и поглядел на Майкла добродушным, но в то же время опасливым взглядом.

— Я Стефан Андолини, мы с твоим отцом вместе росли в Корлеоне. Я видел тебя в Америке, еще ребенком. Помнишь меня?

Как ни странно, Майкл помнил. Потому что Стефан Андолини — огромная редкость для сицилийцев — был рыжим. Свой цвет волос он нес по жизни как крест, поскольку на Сицилии считалось, что Иуда был рыжеволосым. Лицо ему досталось такое же незабываемое. Рот — огромный и кривой, толстые губы похожи на отрубленные куски мяса; выше них — волосатые ноздри и глаза в глубоких провалах глазниц. Хоть он и улыбался, при взгляде на это лицо в голову сразу закрадывались мысли об убийстве.

Со священником все было ясно. Но присутствие инспектора Веларди стало для Майкла сюрпризом. Андолини по-родственному объяснил Майклу, что инспектор тут как представитель властей. Майкл недоумевал. Что этот человек здесь делает? Веларди считался одним из самых неумолимых преследователей Сальваторе Гильяно. Очевидно было, что они со Стефаном Андолини терпеть друг друга не могут; они вели себя с преувеличенной вежливостью людей, готовых в любой момент сцепиться в смертельной схватке.

Шофер уже распахнул для них дверцу. Отец Беньямино и Стефан Андолини, похлопывая Майкла по спине, усадили его на заднее сиденье. Святой отец с вящим самоуничтожением настоял на том, чтобы расположиться посередине и пропустить Майкла к окну — оттуда удобнее любоваться красотами Палермо. Андолини занял место у другого окна. Инспектор уже нырнул на пассажирское кресло рядом с шофером. Майкл заметил, что он так и не выпустил ручку двери, чтобы в случае чего быстро ее открыть. В голове у него промелькнула мысль, что отец Беньямино уселся посередине, чтобы не стать легкой мишенью.

Словно тяжеловесный черный дракон, автомобиль медленно покати́л по улицам Палермо. По обеим сторонам возвышались изящные особняки в мавританском стиле, приземистые здания общественных учреждений с греческими колоннами, испанские соборы. С балконов жилых домов — выкрашенных синей краской, белой краской, желтой краской — свешивались гирляндами цветы, словно образуя еще одну улицу у них над головой. Очаровательное зрелище — если бы не взводы *карабинери*, итальянской национальной полиции, патрулировавшие каждый угол с винтовками наперевес. Они же глядели с балконов верхних этажей.

Рядом с их автомобилем весь прочий транспорт казался крошечным — в особенности крестьянские телеги, влекаемые мулами, на которых доставляли в город продукты. Телеги были раскрашены яркими цветами, вплоть до оглобель и ободов колес. На бортах были нарисованы рыцари в шлемах и короли в коронах из легенд о Карле Великом и Роланде, старинных героях сицилийского фольклора. Но на некоторых, под изображением красавчика юноши в кожаных штанах и белой рубашке без рукавов, с пистолетами за поясом и ружьем через плечо, Майкл замечал кое-как нацарапанные строки, неизменно заканчивавшиеся большими красными буквами ГИЛЬЯНО.

За время пребывания на Сицилии Майкл немало наслушался про Сальваторе Гильяно. Его имя не сходило со страниц газет. Люди повсюду говорили о нем. Невеста Майкла, Аполлония, как-то призналась, что каждую ночь молится за Гильяно, как и все дети, и практически вся молодежь на Сицилии. Они обожали его, он был одним из них — парень, которым все они мечтали стать. Несмотря на молодость — чуть старше двадцати лет, — Гильяно слыл великим полководцем, потому что одолел целую армию *карабинери*, выставленную против него. Он был красив и щедр и большую часть добычи раздавал бедным. Он был благороден и не позволял своим бандитам трогать женщин и священников. Если ему приходилось казнить предателя, тот всегда имел возможность произнести молитву и снять груз с души, чтобы вступить в Царствие Небесное примиренным с тамошними законами. Все это Майкл давно знал.

Они свернули с проспекта, и его взгляд привлек плакат, отпечатанный крупными черными буквами. Единственное, что он успел прочесть, была фамилия ГИЛЬЯНО в заголовке. Отец Беньямино наклонился к окну и сказал:

— Одна из прокламаций Гильяно. По ночам Палермо по-прежнему принадлежит ему.

— Что там сказано? — спросил Майкл.

— Он позволяет жителям Палермо снова ездить на трамваях, — ответил отец Беньямино.

— Позволяет? — спросил Майкл с улыбкой. — Преступник позволяет?

Стефан Андолини на другом краю сиденья расхохотался:

— *Карабинери* ездят на трамваях, поэтому Гильяно взрывает их. Но сначала он предупредил людей, чтобы не садились туда. Теперь он обещает, что взрывов не будет.

— И зачем Гильяно взрывать трамваи с полицией? — сухо осведомился Майкл.

Инспектор Веларди повернул голову, сверкнув на него глазами:

— Потому что Рим по глупости арестовал его отца и мать за пособничество преступнику, их собственному сыну. Республика не отменяла фашистских законов.

Отец Беньямино с потаенной гордостью сказал:

— Мой брат, дон Кроче, договорился об их освобождении. О, мой брат сильно рассердился на Рим.

Боже, подумал Майкл. Дон Кроче рассердился на Рим? Да кто такой этот дон Кроче, кроме того что он *pezzonovante*¹ в мафии?

Машина остановилась перед особняком розового цвета, занимавшим целый квартал. По углам особняк украшали голубые минареты. Перед входом, накрытым маркизами в зеленую полоску с надписью «Отель Умберто», стояли два швейцара в ослепительных униформах с золотыми пуговицами. Однако Майкла это великолепие не впечатлило.

¹ Большой человек, главный (*ит.*).

Он окинул натренированным взглядом улицу перед отелем и заметил по меньшей мере с десятков охранников, которые прохаживались парами или стояли, прислонившись к кованым решеткам. Эти парни даже не скрывались: под расстегнутыми пиджаками были видны пистолеты в кобурах. Двое с тонкими сигарками во рту на мгновение преградили Майклу путь, стоило ему вылезти из машины; они разглядывали его, будто прикидывая, какого размера придется копать могилу. Инспектора Беларди и остальных охранники проигнорировали.

Конец коридора перегораживали массивные дубовые двери. Мужчина, сидевший на стуле с высокой спинкой, похожем на трон, поднялся и отпер двери бронзовым ключом. А потом поклонился, заговорщицки улыбнувшись отцу Беньямино.

За дверями начиналась величественная анфилада залов; сквозь французские окна до пола был виден роскошный сад, откуда долетал аромат лимонных деревьев. Войдя, Майкл сразу заметил двух охранников в одном из залов. Он задумался, зачем дону Кроче столько охраны. Он — друг Джулиано, конфидент министра юстиции в Риме; ему не грозят *карабинери*, наводнившие Палермо. Тогда кого — или чего — боится великий дон? Кто его враг?

Мебель в гостиной явно создавалась для итальянского дворца — гаргантюанские кресла, диваны, длиной и шириной с небольшую яхту, массивные мраморные столы, словно украденные из музея. Подходящая обстановка для мужчины, который вышел из сада, чтобы приветствовать их.

Руки его были распростерты для объятия, предназначенного Майклу Корлеоне. Стоя, дон Кроче был примерно одного размера что в высоту, что в ширину. Густые волосы

с проседью, кучерявые, как у негра, элегантно подстриженные, венчали крупную львиную голову. Глаза, черные, как у ящерицы, походили на две изюмины, торчавшие из жирных щек. Щеки эти были словно вырезаны из красного дерева: левая гладкая, а вторая — перекошенная от избытка плоти. Рот под тонкими усиками выглядел на удивление нежным. Объединял эти разнородные черты между собой толстый величественный нос.

Однако голова императора сидела на теле крестьянина. Безразмерные, кое-как подогнанные брюки обхватывали необъятную талию, держась на широких светлых подтяжках. Просторная рубаха была белая, свежевystиранная, но неглаженная. На нем не было ни галстука, ни пиджака, и по мраморному полу он ступал босыми ногами.

Дон Кроче не выглядел человеком, который получает свою «десятину» с каждого бизнеса в Палермо вплоть до лотков уличных торговцев. Сложно было поверить, что на его совести тысячи смертей. Что он правил Западной Сицилией дольше, чем нынешнее правительство в Риме. И что он богаче герцогов и баронов, владеющих крупнейшими сицилийскими поместьями.

Объятие, в которое дон Кроче заключил Майкла, было легким, мимолетным; одновременно он сказал: «Я знал твоего отца, когда мы оба были детьми. Рад, что у него такой хороший сын». Дальше спросил, как добрался его гость и не нужно ли ему чего. Майкл улыбнулся и ответил, что не отказался бы от корки хлеба и глотка вина. Дон Кроче немедленно повел его в сад, поскольку, как все сицилийцы, старался по возможности есть на свежем воздухе.

Стол им накрыли под лимонным деревом. Там сверкало отполированное стекло, белели льняные салфетки и скатерти. Слуги отодвинули для них удобные бамбу-